

Всё только начинается!

Эпиграф

ГАЗЕТА ЮНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ ШКОЛЫ № 309 ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. № 27. 6 МАРТА 2015

ЭКСКУРСИЯ ПО ГАЗЕТЕ

Здравствуй, дорогой читатель! Номер школьной газеты «Эпиграф», который ты видишь перед собой, не совсем обычный. Все его материалы объединяет общая тема. И она не просто так «взбрела» в голову редактора, а является непременным условием участия данного выпуска в городском конкурсе школьных газет. Итак, конкурсное задание звучит так: «Дайте мне музей, и я его заполню».

Я видела, как рождается этот номер. Незримо присутствовала при обсуждении каждой его полосы. И была весьма удивлена тем, как редколлегия подошла к раскрытию заданной темы. Юнкоры совершенно сознательно решили не писать про классические городские музеи, прославленные театры, популярные выставки и модные картинные галереи, коих в культурной столице России не счесть! Напротив, они предприняли на этих страницах попытку увидеть музеи там, где их официально нет, заглянуть туда, куда до них подчас никто не заглядывал. Что ж, любопытный замысел. Надеюсь, у них получилось.

Ах, да, я же совсем забыла представиться! Меня зовут Зинаида Петровна! Я много лет занимаюсь проведением экскурсий по страницам газет и журналов. Ребята газеты «Эпиграф» обратились ко мне за помощью, поэтому, уважаемый читатель, мы будем встречаться с тобой на некоторых полосах этой газеты — там, где потребуются мои комментарии. Прежде чем ты перелистнешь страницу, я проведу маленькую экскурсию по этому номеру.

Забегая вперед, расскажу, что тебе предстоит знакомство с необычными местами в Петербурге и за его пределами. Возможно, ты откроешь для себя что-то новое, чего раньше не знал о своем городе. Ты узнаешь, каково это ради достижения цели трапезничать со священником и ночевать в хлеву. Ты узнаешь, какие тайны хранят, казалось бы, обычные дома и квартиры. И убедишься, что брак может сложиться удачно, даже если вместо обручального кольца на палец тебе надевают жестяное колечко от связки ключей.

Ты побываешь с редколлегией в местах, в которые еще не ступала нога обычного человека. И увидишь «умирающие» шедевры, дни которых, увы, сочтены. Ты откроешь невероятный мир раритетных вещей, где царит особая атмосфера и где можно купить необычную футболку за 20 рублей, а виниловую пластинку за 7000 рублей.

Я знаю, что корреспонденты, создававшие этот номер, очень старались. Поэтому я попросила редактора номера, Светлану Николаеву, что-нибудь пожелать своему читателю, прежде чем он отправится на экскурсию по страницам этого номера. Вот ее напутствие: «Зарядись хорошим настроением! Отодвинь все стереотипы и рамки, наслаждайся чтением, а мы тебе в этом поможем!»

**С уважением,
ваш экскурсовод
по этому номеру
Зинаида Петровна!**

ВЫХОД ЗА РАМКИ

**За рамки пыталась
выйти редколлегия
10 класса 309 школы**

Услышав словосочетание «музейный работник», люди, как правило, рисуют у себя в голове вполне тривиальный образ. Интеллигентная пожилая дама в очках, типа меня, плавно переходящая из зала в зал и изредка бросающая посетителям фразы вроде «фотографировать запрещено» или «не трогайте стекло руками». Но соседница корреспондента «Эпиграфа» – музейный работник Этнографического музея Наталья Николаевна Соснина ломает этот стереотип. В доверительной беседе с научным сотрудником, кандидатом исторических наук, Лиза Тихонова узнала о том, что музейный работник может организовывать редкие выставки экспонатов, например, в Лос-Анджелесе. Может отправляться в увлекательные экспедиции по поиску музейных редкостей. А также стать автором научно-популярных изданий. Но обо всем по порядку.

О ЧЕМ РАССКАЖУТ ПОДВАЛЫ МУЗЕЯ?

— Наталья Николаевна, когда вы увлеклись археологией и этнографией?

— В пятом классе! У нас была очень хорошая учительница по истории, которая сумела заинтересовать предметом. Я читала много книг этого профиля и уже в школе поняла, что моя профессия будет связана с историей и археологией. Несмотря на то, что заканчивала я математическую школу, на выборе вуза это никак не отразилось. Шансов поступить в СПбГУ у меня особенно не было. Конкурс — сорок человек на место, но я поступила. Видимо, это была моя дорога.

— Окончив СПбГУ, вы пошли работать в музей? Жалели ли вы когда-либо о своем выборе профессии?

— Да, я пошла в музей. И не просто в музей, а сразу в Эрмитаж, в отдел первобытной археологии! Я считаю, что каждый человек создан для своего определенного дела. Мне всегда казалось, что мое предназначение — археология. Но, проработав в Эрмитаже лет шесть, я стала терять интерес к этому занятию. Может быть, я просто попала не в тот отдел, не знаю. И когда я решила уйти из Эрмитажа, окружающие не понимали меня. Как так уйти из Эрмитажа?! Это все равно, что из Университета в ПТУ. Переходила я работать в Этнографический музей и при этом переживала, что там у меня ничего не получится, и я, возможно, престану заниматься этим делом, а займусь, например, текстилем, дизайном. Но начав

работать здесь, я поняла, что мой интерес к археологии не угас.

— Несмотря на то, что вы не занялись дизайном и текстилем, мне известно, что вы издали собственную книгу об истории костюмов...

— Да, это иллюстрированный альбом-энциклопедия «Русский традиционный костюм». У нас с коллегой еще есть и книга, называется «Русский народный костюм». Вот там уже рассказывается об истории создания костюмов, о материалах, из которых они делались и т. д. Таких книг целая серия, где у каждой части свои авторы.

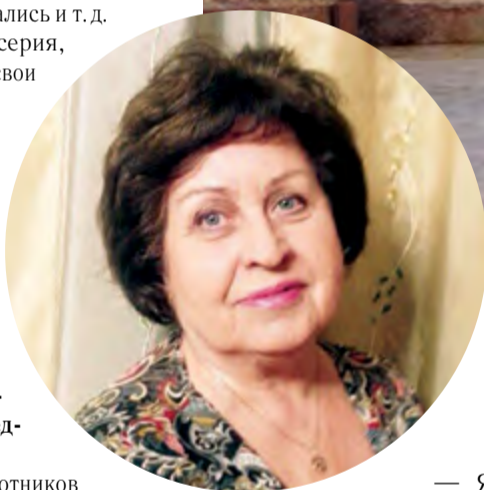
— Получается, что книги это работа для души, а не основная деятельность в Этнографическом музее? Расскажите, пожалуйста, в чем же заключается ваша повседневная работа?

— Обычно работников музея представляют довольно примитивно, как говорила в свое время мама моей подруги: «Ох, какую ты хорошую выбрала специальность! Будешь ходить по музею и указочкой тыкать». Однако, в жизни всё иначе. У нас ненормированный рабочий день и довольно активная деятельность: мы ездим в экспедиции, покупаем там ценные с исторической точки зрения вещи, даем по ним экспертные заключения. Ведь музей это не только то, что видишь снаружи, но и то, что хранится в его подвалах. У нас очень крупный музей, но в выставочных залах можно увидеть лишь малую часть экспонатов.

— А можно ли когда-нибудь увидеть экспонаты, которые хранятся в подвалах музея?

— Конечно, их можно увидеть! Мы постоянно устраиваем различные выставки, и тогда наступает «звездный час» экспонатов, которые скрыты от глаз посетителей музея в обычные дни.

— Эти выставки проходят в Этнографическом музее или в других музеях России?

— Я скажу вам даже больше.

Выставки эти проходят в разных странах и на разных континентах! Помню, с одной из них мы летали в Лос-Анджелес. Устраивали очень интересную экспозицию «Императорские коллекции». Это некий сбор вещей императоров, которые они получали в подарки или просто имели в своем обиходе. Мы с этой коллекцией весь мир объездили. Очень сложно было подобрать подходящее место для проведения выставки, потому что очень высокие требования к выставочному залу: определенная влажность воздуха, температура, свет, специальные лампочки и т. д. А тут была очень необычная выставочная территория — прямо на борту самого большого плавучего музея в мире, корабля «Queen Mary». По величине он такой же, как «Титаник», и считался до Второй Мировой войны самым крупным и быстрым пассажирским лайнером в мире. В конце 60-х он был продан в США и, осев в порту пригорода Лос-Анджелеса, превратился в крупнейший выставочный зал на воде.

Наша коллекция пользовалась огромной популярностью среди иностранцев!

— А откуда у музея такой огромный фонд экспонатов? Любопытно, как они попадают в музейные коллекции?

— Я думаю, что многим это покажется самой интересной частью моей работы. Хотя, признаться, она отнюдь не простая. Речь об экспедициях. Для начала ты смотришь на карту фонда и определяешь, с какой территории в музей поступило меньше всего вещей, каких не хватает. Вот, допустим, из определенного уезда Орловской губернии очень мало экспонатов. То есть они есть, но хотелось бы побольше, чтобы полнее представлять, что там происходило в определенные времена. Поэтому ты берешь рюкзачок и едешь в эту губернию. Там ножками топаете, ходишь по деревням, собираешь информацию у бабушек, покупаешь у них какие-либо вещи. Бабушки обычно не очень разговорчивые. Затем привозишь свои находки обратно и представляешь их закупщику-музею. При этом заполняешь огромное количество документов, потому что деньги, на которые ты покупаешь все эти вещи, ты предварительно получаешь от музея. А потом закупочная комиссия принимает решение относительно дальнейшей судьбы этих предметов быта.

— А если закупочная комиссия отказывает?

— На моем опыте такого не было ни разу. Люди, которых отправляют в экспедиции, обычно сотрудники опытные. Ведь для того чтобы поехать на закупку, нужен стаж работы, обычно лет от пяти. Конечно, начинающих сотрудников никогда не отправят туда.

— А если музей покупает все эти вещи, то может ли кто-нибудь другой, например, частный коллекционер, купить их у музея? Возможна ли продажа сторонним покупателям?

— Нет, нет, нет! (категоричным голосом). У нас даже не происходит обмена с другими музеями!

— Наталья Николаевна, если бы вам предложили создать свой музей, например, дома, чем бы вы его наполнили?

— Ой, знаете, когда живешь среди экспонатов, начинаешь воспринимать их иначе, чем посетители. Эти вещи становятся для тебя отчасти обыденным и привычным делом. И хотя бы дома хочется отдыхать от них. Не слышала никогда, чтобы музейные работники что-то собирали (улыбается).

Лиза Тихонова

Жители Петербурга привыкли, что их город называют музеем под открытым небом. Это не удивительно, ведь весь исторический центр города является произведением искусства. Корреспонденты «Эпиграфа» решили поискать настоящее искусство не там, где его легко найти, а там, где, наоборот, сложно. Искать прекрасное в обыденном Анастасия и Татьяна отправились в одно и то же место, но по отдельности и в разные дни. Удельный рынок — самый неформальный и самобытный городской музей под открытым небом — каждой из них раскрыл свои тайны.

Фото: Настя Кирьянова

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН...

Первое, что я увидела здесь в силу своей близорукости — это обступившее меня со всех сторон месиво из разных цветов и форм. При ближайшем рассмотрении я различила огромное количество предметов: часы, фотоаппараты, подсвечники, патефоны, очки, расписные тарелки, ножи. Я представила, сколько рук, людей, событий, стран, улыбок видели эти предметы. Во скольких квартирах им удалось полежать, сколько лет они томились в темных чуланах и пыльных коробках. Какие истории они могут нам рассказать. Вот теннисный мячик с надписью «Ленинград». Как он попал сюда? Возможно, он вместе со своим бывшим хозяином пережил счастливый миг победы. А вот нож с красивой резьбой. Приблизительно начала XX века. Может быть, этим самым ножом «буржуи» из стихотворения Маяковского резали своих рябчиков? Но, слившись своих хозяев, вещи словно потеряли былую ценность. И теперь лежат бок о бок, безмолвно обмениваясь друг с другом своей энергетикой, в надежде на то, что кто-то из придирчивых покупателей подарит им новую жизнь.

Из размышлений о прошлом меня выдернула рука настоящего:

двое мужичков с руганью и криканием переносили старинный диван. «Девушка, ну чего, как столб, встала? Дай пройти!». Вежливости в этом месте не дождешься. Да она и не нужна здесь — благодаря ругани, грязи, холоду, слякоти, простому юмору на «Уделке» зародилась и живет атмосфера какого-то портового городка. Ведь все тут отчасти гости: и продавцы, и покупатели, и вещи. Здесь нет постоянства. Но каким-то образом каждый, кто приходит сюда, становится гармоничной частью этого рынка, привносит сюда свою историю. И все они, слившись в один большой сюжет, позволяют посетителю прочувствовать общий дух времени с его роскошью и нищетой.

Местные продавцы делятся на два типа. Первые — это словоохотливые, смешливые, проницательные, с искоркой в глазах люди, которым палец в рот не клади. Они умело изворачиваются от моих вопросов:

— Ой, а как к вам попали все эти пластинки?

— Да Джон Леннон пробежал мимо и оставил по старой дружбе!

И вторые: хамоватые тетеньки и угрюмые мужики, которые, завидя фотоаппарат в моих руках, грубо

одергивают, кричат и запрещают делать снимки. Но ни от первых, ни от вторых мне не удалось услышать какой-либо конкретной истории о той или иной вещи. Впрочем, их можно понять — не всегда товары попадают к ним честным способом, а проблем с законом не хочет никто.

Я двинулась дальше и увидела интересную лавку, сверху донизу забитую картинами. Всмотрелась вглубь нее, и вдруг мне открылись окна в другие миры, в каждый из которых я могла зайти. Настолько картины были правдоподобны и красочны! Рядом беседовал со своим приятелем и сам художник. Опрятная одежда, седая борода, светлые проницательные глаза с хитринкой — он создавал впечатление интеллигента. Я внимательно исследовала лавку, расспрашивала его о картинах, но он, быстро и весело отвечая мне, снова возвращался к беседе с товарищем. Взяв наугад небольшую картину, я поинтересовалась, сколько она стоит.

— Сколько дадите, столько и стоит, — ответил он мне, хитро улыбаясь.

— Ну... не знаю, — я долго всматриваюсь в полотно и думаю о том, как бы не обидеть его, но и не оплошать. — Тысячу?

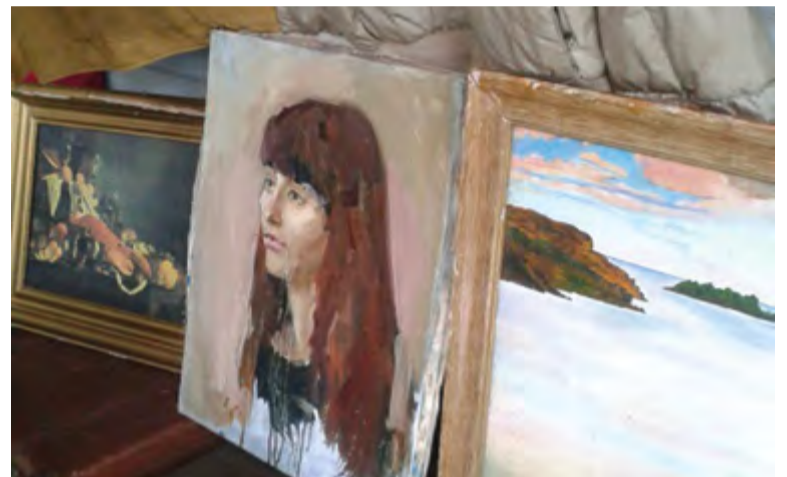

Фото: Татьяна Игнатьева

— Угадали! Знаете ли, больше брать как-то неприлично, меньше тоже...

Я была удивлена. Картина написана хорошо — морской пейзаж, не уступающий по качеству произведениям известных живописцев. Почему же он брал так мало и вообще работал на блошином рынке? Мы немного поговорили о художественных школах, о том, сколько нужно работать, чтобы получить такой результат, и за нашей беседой я поняла, что у него нет ни жилья, ни мастерской. Он бы и рад преподавать, но просто негде. Я попросила его контакты, но лишь отрезал: «Приходите в субботу и воскресенье к 12-ти часам, я всегда тут». К слову, желания пожалеть

его не возникло. Светлый, жизнерадостный человек, казалось, что ему все равно, где выставляться: в Лувре или на Удельной. Главным было для него творить.

Пройдя через все эти лавки, истории, людей, я вдруг осознала, что это загадочное, но немного пугающее место, действительно самый настоящий неформальный музей, который может немало поведать нам об истории нашей страны. Потому что здесь, как нигде больше, сплетаются воедино дух дореволюционного Петрограда, советского Ленинграда и постперестроечного Петербурга.

Анастасия Кирьянова

НЕ ФОТОГРАФИРУЙТЕ ТУТ!

Чего только не найдешь на рынке, тем более, блошином. Самый известный в Петербурге — Удельный рынок. Здесь любят проводить выходные коллекционеры, хипстеры, молодежь и просто любопытные люди. На рынке найти можно все, от «трехлинейки» до футболки с битлами за 20 рублей. Прямо у выхода из метро сидит дедушка. На прилавке перед ним — ордена, медали, царские монеты и старинная пудреница.

Пройдя ряды старой одежды, я дошла до антиквариата. Каждый продавец здесь пытается продать как можно больше вещей, которые давно бы пора сдать в музей. Но они лежат на «барахолке», и купить их может каждый желающий за минимальную цену.

В одном из отделов я нашла микрометр — прибор для измерения диаметра с точностью до микрона. Там же мое внимание привлекли старые фотоаппараты: «Зоркий», «Фотокор-1», «Зенит». Этих свиде-

телей уникальных моментов жизни ушедшей эпохи можно, поторговавшись, купить всего за 800 рублей. В самом дальнем углу отдела лежит шляпная коробка, в которой бережливый хозяин позапрошлого века хранил свои шляпы, а сейчас существование таких предметов многие уже и не знают.

Иду дальше. Прямо на улице висит старое зеркало, словно попавшее сюда со съемок фильма ужасов. Как только я подняла телефон, чтобы его запечатлеть, за спиной раздался крик: «Не фотографируйте тут!» Обладателю сурового голоса лет 50, у него отталкивающий вид и грозный испепеляющий взгляд. Желание с ним контактировать улетучилось мгновенно, и я поспешила мимо зеркала, изначально не вызывавшего у меня позитивных эмоций.

Со следующим продавцом мне повезло куда больше. Увидев, что я пытаюсь сфотографировать старые картины, он не стал возражать и пустил

меня снимать всё, что мне понравится. Чего у него только не было! Огромное количество антикварной мебели, среди которой меня особенно привлек старый деревянный сундук для приданного, деревянные санки, ролики на четырех колесах, флаг с портретом Ленина и дореволюционный фотоальбом. На его первой странице выцветшее, нечитаемое пожелание и подпись, а вот фотографии сохранились очень хорошо. Молодая барышня с длинными волосами сидит на стуле и улыбается в камеру. Остается только гадать о судьбе хозяйки этого альбома. Остальные вещи не так запали мне в душу: статуэтки, монеты (не факт, что подлинные), старые куклы, картины. Пообщавшись с продавцом, который представился дядей Колей, я узнала, что раньше он коллекционировал мебель для себя, а продавал обычные вещи, но потом понял, что намного интересней торговать антиквариатом. Теперь мебель, которую он раньше

собирал для души, выставляется на «Уделке».

Я еще долго бродила по этому удивительному рынку, вглядываясь в странные предметы на импровизированных прилавках. Иногда среди них встречались и такие вещи, о природе и назначении которых ничего не знали даже продавцы. А если поинтересоваться у хозяев, сколько они хотят за эту «ерунду», они просто отвечают: «Тысячу дадите и можете забирать».

Покидая эту барахолку, уносишь с собой отсюда, как из музея, целый багаж впечатлений. А также пару приглянувшихся безделиц; аромат нескольких эпох, соединившихся в одном месте; и множество историй, которыми с тобой радостно поделился продавец, после того, как ты у него что-нибудь прикупил.

Татьяна Игнатьева

Фото: Татьяна Игнатьева

Уважаемые читатели, перед вами главная тема этого «музейного» номера. Я наблюдала за редколлегией в тот момент, когда тема этого разворота еще только рождалась на редакционных планерках. Слушала

с любопытством истории, которые приносили юнкоры в общую копилку от своих родителей, бабушек и дедушек. И диву давалась, какая превосходная идея — найти у себя или у родственников дома памятные, раритетные вещи, которые могли бы стать музейными экспонатами уже сегодня. Или в ближайшем будущем. Но главное, что работа над этой темой объединила наших юных журналистов и их старших родственников. Они вместе искали дома особенные вещи, вместе вспоминали семейные истории, связанные с ними. В итоге получился уникальный музей «Эпиграфа», в который ребята вас с радостью приглашают.

ПРАДЕДУШКИН ПАРТБИЛЕТ

В каждой семье хранятся вещи, с которыми связаны теплые воспоминания. Эти вещи и их истории передаются из поколения в поколение. Одна из таких вещей в нашей семье — это партбилет, который напоминает нам о том, что мой прадедушка был коммунистом.

Люди относятся к коммунистической партии и, в частности, к Сталину по-разному. Кто-то говорит, что Сталин — тиран, 1937-й — год репрессий, геноцида против своего народа, а кто-то считает, что он победил в чудовищной войне и построил супердержаву. Мой прадедушка Николай Иванович Ковалёв относился к той категории людей, которые считали за честь быть коммунистом. И партбилет был для них не просто книжкой, а символом новой, лучшей жизни. Навсегда моя бабушка запомнила эту картину: её отец в оцепенении входит домой и ничком падает на кровать. Он дрожит и, еле проговаривая слова, произносит: «Мне разрешили вступить в партию». А предыстория такова: В 1939-м году мой прадедушка окончил в звании лейтенанта Севастопольское зенитно-артиллерийское училище и был направлен в Эстонию, на Балтфлот на остров Сааремаа, где их застала война. Воевали они до 41-го года, пока не кончились боеприпасы. А в сентябре, когда фашисты уже взяли Киев, Минск и всю Прибалтику, командиры приняли решение добраться до материка и пробираться к своим. И всё бы получилось, если бы в Эстонии их не сдал полицаям местный житель, к которому они попросились переночевать. Время было жестокое, и всю команду отправили по разным лагерям Германии. Так как люди по-разному вели себя в экстремальных ситуациях, то после освобождения из плена их подвергали жесточайшей проверке в СССР. Николай Иванович

прошел эту проверку с честью, его восстановили в воинском звании старшего лейтенанта и отправили служить на Дальний Восток, но о членстве в партии не могло быть и речи. В 1949-м году численность армии сокращали после войны, прадедушка демобилизовался и в 31 год начал жизнь с нуля. Поступил в Куйбышевский строительный институт и, окончив его, попросился на «новостройку», в Казань, где поднималась промышленность. И всей работой своей, отношением, честностью он пытался доказать, что достоин носить звание коммуниста. Однако только в 1960-м году ему разрешили стать членом КПСС. «Гвозди бы делать из этих людей», — говорил поэт Николай Тихонов про таких, как мой прадед. Как участник ВОВ, прадедушка имел орден Отечественной войны. Но больше всего он дорожил именно партбилетом и хранил учётную книжку... «И только повзрослев, я поняла, какой груз он нёс, как ему тяжело давалось «не быть в строю». Быть изгоем. Потому что беспартийные считались людьми второго сорта. Это потом уже всё деформировалось, ценности стали другие. И судить этих людей невозможно с современной колокольни. А надо просто гордиться, что существовали среди нас люди с таким стержнем, верой», — вспоминает моя бабушка о своём отце.

Дарья Боголюбова

УНИКАЛЬНЫЕ КАДРЫ

Москва. Лето. Шестидесятые. Я была тогда маленькой девочкой. В столице летом было особо делать нечего, поэтому я везде таскалась за своим старшим братом, словно маленький назойливый хвостик. Сначала он долго бурчал: «Вот привязалась-то, девчонка!»

А я смотрела на него милыми глазками и хлопала ресничками, скромно сложив ручки. Потом мы свыклись, он помогал организовывать одному неизвестному музыканту уличные выступления (концерты) близ Арбата. Прекрасное место Арбат! А сколько я там мороженого съела! Бывало, посадят меня на скамеечку, купят леденец или мороженое и говорят: «Сиди тут тихо, Людка, никуда не уходи!»

А я и рада была до смерти. Вот так, бывало, сидишь на скамеечке и смотришь на прохожих, шурясь от солнца. Так и просидишь до вечера...

Но один день мне хорошо запомнился. Я не сидела как обычно на скамеечке и не смаковала мороженое.

Первый раз меня брат взял с собой. Я стояла среди толпы зевак с полными детского счастья глазами, внимая звукам гитары. Но вдруг эти звуки прервал оглушительный милицейский свисток. Брат мне кричит: «Чего стоишь, Людя? Рот разинула, беги скорее! Но я стояла как вкопанная, не реагируя. Вдруг кто-то схватил меня в охапку и побежал. Через несколько минут я очутилась в тихом московском дворике. Испугавшись, я стала вырываться из рук какого-то человека, а потом внимательно посмотрела на него и узнала в нем того самого музыканта, который так душевно играл. Он заговорил со мной: «Испугалась, бедняга?»

И тут в этот двор вбегает мой брат, я кидаясь ему на шею со слезами и судорожно кричу: «Вовка! Вовка!»

Вечером, когда мы вернулись домой, нас отругали родители. Больше всего досталось брату, ему запретили гулять и брать меня с собой. С тех пор я больше не видела того музыканта. Каково было мое удивление, когда

я узнала, что фамилия того человека, чье пение меня тогда так заворожило, Высоцкий. Владимир Высоцкий, чьи песни мы слушаем по сей день.

P. S: Эту историю рассказала мне бабушка одним теплым летним вечером, разбирая в беседке старые черно-белые фотографии, на которых запечатлены детали той истории — маленькая Людка, ее брат Вовка и его совсем еще юный друг, никому неизвестный тогда Владимир Высоцкий.

Лада Самойленко

СТАРИННЫЙ ПОЯС

В моей семье по женской линии из поколения в поколение передается старинный пояс, которому уже 120 лет. Сегодня он хранится у моей бабушки. Когда она впервые показала мне эту семейную реликвию, то рассказала немало интересного. Оказывается, в конце XVIII века на Руси очень широко было распространено ремесло плетения. Славянки носили тканые и вязаные пояса, и это была немаловажная часть женского костюма. По узору пояса многое можно было рассказать о девушке.

Но в силу своей недолговечности пояса не сохранились, и археологи длительное время считали, что женские одежды на Руси вообще не подпоясывались.

Наш же пояс родом из Псковской области. Моя четырехжды прабабушка сама сплела его и подарила своей дочери при крещении. Крещенский пояс принято было хранить всю жизнь как оберег. После этой истории я спросила у бабушки, не возникала ли у нее идея, отдать эту семейную реликвию в музей. На что бабуля, не задумываясь, ответила:

— Ни в коем случае! Это же память! Иногда мне хочется полюбоваться на него, взять в руки, ощутить связь со своим родом. Я передам этот семейный оберег твоей маме, а после он достанется тебе.

Анастасия Судакова

Стояло тихое туманное утро, как я люблю. Мне семь или восемь лет от роду. Шли летние каникулы, которые я проводила в деревне у прадеда на Дону. Обычно мы строили с ним шалаши, мастерили тарзанки из старых покрышек или самые настоящие качели. Но в то утро я придумала себе другое развлечение: геолого-разведывательная экспедиция! Вооружившись лопатой, я ушла на задний двор отыскивать «сокровища», хранящиеся в недрах земли. Дедушка подыгрывал мне: достал с чердака свой старый, выданный виды, котелок, чтобы можно было сварить походный суп, как в настоящей экспедиции.

— А котелок-то этот с историей, — начал вдруг вспоминать

БЕСЦЕННЫЙ КЛАД

прадедушка, — сняли его с чердака еще в 41-ом, когда нас срочно призывали на войну. Каски у меня не было, да и не известно было, выдадут ли и когда. Искать было некогда, и тогда мне мать всучила этот котелок. Так я и шел под Сталинградом в чугунном котелке на башке, и время от времени слышал, как шальные пули отскакивают от него. Во время стоянок мы с товарищами в нем варили суп, если было из чего. Очистки картофельные тоже шли в котел, да такими сладкими нам, голодным, тогда казались. Эх, вот только крышка еще до войны где-то затерялась...

Я слушала в пол-уха и продолжала раскопки на заднем дворе. Прошло уже несколько часов на безжалостном донском солнце, пот струился по щекам, но я чувствовала, что должна сегодня отыскать свой клад.

Вдруг лопата наткнулась на что-то твердое, еще несколько усилий, и я вытащила из земли металлическую крышку, протерла ее, подошла к «походному» костру и аккуратно опустила ее на котелок. Она подошла идеально.

Этот котелок — живой свидетель Великой Отечественной войны до сих пор хранится в нашей семье как ценная семейная реликвия.

Алина Летнева

МАШИНКА ZINGER

У каждой старинной семейной вещи есть своя история, и каждую из них мне когда-то рассказывала бабушка. Среди них — история про старую чугунную швейную машинку моей прапрабабушки. Эта машинка известной немецкой марки «Zinger» очень выручила мою прапрабабушку Марию Ильиничну в годы Великой Отечественной войны. Когда началась война, ей было уже 70 лет, и выполнять тяжелую физическую работу, например, встать на завод к станку и выпускать что-то необходимое для фронта, она не могла. Но поскольку страна нуждалась в любой помощи, Марию Ильи-

ничну по ее просьбе зачислили вместе с личной машинкой в швейный отдел, где она трудилась, не покладая рук, по 20 часов в сутки. Она шила нательное белье фронтовикам. В послевоенные годы пожилая труженица тыла получила медаль за доблестный труд в годы войны. А теперь эта машинка и награда хранятся у моей бабушки в память о том, что ее бабушка выдержала изнуряющий труд во благо своей Родины.

Дарья Боголюбова

ВЫЖИВШИЕ ПЛЕНКИ

Однажды мы с моей подругой проезжали мимо заброшенного кинотеатра «Фестиваль» в Выборгском районе и, едва увидав его из окна трамвая, вышли на ближайшей остановке. Здание кинотеатра горело в конце 90-х годов, но так и не было снесено. При пожаре никто из людей не пострадал, но часть помещений выгорели, а некоторые конструкции частично обрушились. Снаружи кинотеатр имеет вполне

«приличный» вид, форма здания не нарушена. Попастъ туда можно через открытый черный выход. Мы не удержались и пустились в путешествие по заброшенному зданию. Три этажа с огромными пустыми помещениями, полуразрушенными каменными лестницами. На полу валяются обломки мебели и техники, старые прожектора (будь у меня больше сил, я точно унесла бы их домой). А вот перед нами заброшенный кинозал: ряды деревянных кресел, поломанный паркет, наполовину выгоревший старый экран, на который когда-то падал луч прожектора. Все это мы смогли разглядеть с помощью фонарика. В тот день

я нашла здесь необычный экспонат, который теперь хранится у меня. Это обгоревшие киноплёнки. Я не могу разобрать, что за кадры запечатлены на них, не могу и определить фильм, который шел в кинотеатре в день пожара, но я все равно забрала их домой. И если бы меня спросили, чем бы я могла пополнить свой собственный музей, я бы ответила: сохранившимися после пожара киноплёнками из кинотеатра «Фестиваль».

Лиза Тихонова

СТАРЫЕ ФОТОАППАРАТЫ

В моей семье все любили делать фотоснимки, поэтому моя любовь к фотоаппаратам зародилась с самого детства. Особенный трепет у меня вызывает папина коллекция старых фотоаппаратов. С каждым годом эти аппараты с объективами все меньше напоминают приборы, которыми сегодня люди фотографируют. И, возможно, через несколько лет к нам в гости придет какой-нибудь малыш «планшетного поколения» и не поймет, глядя на папину коллекцию, что перед ним за диковинные штуки такие. Ведь для многих сегодня фотоаппарат — это всего лишь кнопка на телефоне. Самый старый аппарат в коллекции папы «Фотокор» 1934 года выпуска. Его подарили отцу друзья,

отыскав раритет у себя на антресолях. Сейчас мы делаем десятки снимков в день, не задумываясь об этом процессе, а раньше день, в который семья планировала фотографирование, был настоящим праздником. Все красиво одевались, причёсывались, рассаживались в определенном порядке и замирали как статуи, пока фотограф долго делал долгожданный снимок.

Кто знает, может именно на этот самый «Фотокор» была сделана чья-то единственная свадебная фотография. Или снимок, который помог раскрыть какое-то важное преступление. А, может быть, фотография важного государственного деятеля, которую мы теперь наблюдаем в учебниках истории. Если бы фотоаппараты

могли говорить, они рассказали бы нам немало интересных историй... Всего у папы в коллекции более 30 фотоаппаратов. С каждым годом коллекция пополняется, а количество историй и загадок, которые безмолвно хранят в себе эти старые аппараты, увеличивается.

Татьяна Игнатьева

КОЛЬЦО С ИСТОРИЕЙ

«Стояла теплая осень 1954 года, мы прогуливались по набережной вдоль Волги. Знакомы были от силы неделю, но Федя каждый день провожал меня до дома, а отец гонял его палкой со двора. В тот день мы стояли у калитки. В моей руке таял пломбир. На следующий день Федю забирали в армию. Я подумала: либо сейчас, либо никогда. Вдруг он упал на колени и взял меня за руку. Я замерла.

— Тамара, — начал он, — мы не так давно знакомы, но я как будто знаю тебя целую вечность... Завтра меня здесь уже не будет, я должен успеть... Я люблю тебя.

Он опустил глаза. Но вдруг брови его удивленно взлетели. Он стал отчаянно шарить по карманам. Мое сердце замерло. Вскоре его губы расплылись в улыбке. Я прикрыла глаза и протянула руку. Мое сердце билось в сладком упоении. Когда

я открыла глаза, на моем безымянном пальце «красовалось» алюминиевое колечко для связки ключей. Федя не отпускал мою руку, в его глазах читался немой вопрос: «Ты согласна?» Я рассмеялась, глубоко вдохнула и выпалила:

— Да!

Позже он подарил мне настоящее золотое кольцо, осыпанное изумрудами, которое уже на протяжении 5 поколений передавалось в день помолвки в его семье»

Глядя на это кольцо моей бабушки, я мечтаю, что тоже дождусь своего «рыцаря на белом коне», который сделает мне предложение и подарит, например, кольцо от своей кольчуги, так как настоящее будет утеряно в каком-то смертельном бою.

Алина Летнева

ЖУРНАЛ, ПОВИДАВШИЙ ВЕК

Разбирая антресоль, можно найти много интересных вещей, о существовании которых даже и не догадываешься. Например, красный выцветший пионерский галстук мамы, старые ёлочные игрушки, альбомы с довоенными фотографиями, открытки и много других довольно раритетных вещиц, которые особой ценности для музеев не представляют, но хранятся дома лишь потому, что выбросить жалко. Однажды по просьбе мамы я взялась навести порядок и наткнулась на огромный пыльный пакет в самом дальнем углу. В нем оказалась стопка сброшюрованных журналов.

Обложка верхнего журнала гласила «Природа и Люди». Я удивилась, потому что о существовании такого журнала никогда не слышала. И тут мой взгляд упал на дату в нижнем углу страницы. Там черным по белому была выведена цифра — 1910 год. Я слегка опешила. Выходит, у меня в руках находился журнал, которому было больше ста лет, и который пережил революцию, две мировые войны, блокаду Ленинграда, развал

страны в 90-х. Чувство, когда понимаешь, насколько старую вещь ты держишь в руках, непередаваемо.

С большим интересом я стала листать уже пожелтевшие и мятые страницы. Чем больше страниц я посмотрела, тем явственнее осознавала, насколько это старая вещь. Вот открываешь разворот и видишь серьезную статью об образовании, переворачиваешь страницу, а тут картинка о том, как сделать новогоднюю игрушку. Журнал как будто

объединяет множество различных тем, которые могли быть интересны, как и детям, так и взрослым.

В целом в журнале «Природа и Люди» было много статей о том, что происходило в мире в начале двадцатого века: о новых астрономических открытиях, об исследованиях пещер, о развитии науки, медицины, о новинках литературы. Было много статей о путешествиях, но при этом журнал вообще не касался такой важной темы, как политика. «Природа и Люди» во многом напоминал современный журнал с той лишь разницей, что был полностью свободен от рекламы. Ни одной страницы, нахваливающей какой-либо магазин, ни одного упоминания о новом косметическом средстве или медицинском центре. Лишь анонсы театральных представлений, статьи о приезде в город цирка и рецензия на новую книгу Чарльза Дикенса.

Чтение журнала, конечно, затрудняло то, что всё написанное было

на старорусском языке, практически каждое слово оканчивалось на «ять» (твердый знак), часто встречались устаревшие речевые обороты. Но все же понять, о чем идет речь, было можно, хоть и с большим трудом.

Я полностью погрузилась в чтение журнала, и, вообразив себя жителем начала двадцатого века, с интересом читала темы, которые были грандиозны по тем временам, но уже обыденны в нашем веке. Атмосфера старины настолько захватила меня, что я долгое время не могла покинуть этот волшебный мир, в котором оказалась.

Мысли о журнале «Природа и Люди» долгое время не поки-

дали меня, поэтому я взялась расспрашивать маму о том, как он у нас очутился. Оказалось, журнал принадлежал еще моему прапрадеду. По ее словам, он выписывал его и бережно хранил. У потомков сохранилась лишь малая часть коллекции, но и это чудо, если учесть, что его не сожгли в холодные годы ленинградской блокады.

Лидия Черёмушкина

У редактора этого школьного выпуска Светланы Николаевой есть хобби: узнавать свой город с самых необычных сторон. Главное для нее — открывать больше, чем это стремится сделать рядовой обыватель. Ради своей страсти она может путешествовать по крышам самых разных домов или, наоборот, спускаться в бомбоубежища или подземные коллекторы. А то и вовсе отправиться с друзьями в полуразрушенные здания — памятники ушедших эпох или проникнуть в совершенно новые, недостроенные комплексы с невероятными инженерными конструкциями.

Такое хобби сопряжено с риском. Но Светлана точно знает, что рискует не зря. Из каждой такой вылазки она выносит необыкновенное чувство свободы, победы над своими страхами, невероятные фотографии и ярчайшие впечатления. Эта смелая девушка за один день может побывать сразу в нескольких веках. И сегодня она расскажет о двух местах, которые запали ей в душу. Это старинный дом из прошлого, которого уже почти нет. И ультрасовременный дом из будущего, который еще не достроен. Конечно, это не классические музеи, но там тоже немало интересных предметов, на которые любопытно взглянуть глазами нашего автора.

РАССВЕТ В «НЛО»

Конец лета. Город погружается в ночной сон. Мы с друзьями идем по набережной. Спонтанно намеченный путь прошел через Большеохтинский мост, вильнул мимо Чернышевской и вывел нас к обычному питерскому дому, за которым возвышалась новостройка из стекла и бетона. Это «Невская Ратуша», то самое место, где мы решили встретить рассвет и отсидеться до открытия метро. Полупрозрачная «коробка» почти полностью состоит из стекла. Чуть-чуть не вписывается в привычную архитектуру Питера, но в целом наш город уже давно приобрел вторую сторону медали. То там, то здесь над историческими постройками нависают «хай-тек» громадины. У Ратуши необычная конструкция. Особенно поражает сложный светопрозрачный купол, который из-за гладкого гнutoго стекла выглядит как приземлившаяся на середину бизнес-центра гигантская летающая тарелка. Её так и называют в народе — НЛО. Хотелось увидеть город прямо оттуда, но пока перед нами стоит лишь синий бетонный забор, за ним брошенное строителями оборудование и инструменты и три будки с охраной в зоне видимости. Перейти через забор нам помогло тоненькое деревце без листьев. С замиранием в сердце я карабкаюсь по нему, цепляясь за хилые веточки и перемахиваю, наконец, через бетонную преграду. Фонари и рюкзаки наготове, телефоны в «беззвучном» режиме. Ну, вперед!

У нас есть около минуты, чтобы пробраться незамеченными к лифтовому отделению, вскрыть дверь и проникнуть вовнутрь. Естественно, лифт еще не подключен, ведь ремонт в этой громадине до сих пор не закончен. Поэтому 10 этажей мы бежим. Сложность в том, что у нас нет карты объекта, общая площадь которого свыше 70.000 квадратных метров, и мы не в курсе, в каком корпусе находится НЛО.

Лестница частично без перил, штукатурка осыпается. На каждом этаже в проеме будущих дверей вставлен плотный картон. Воздух здесь спертый, дышать все сложнее и сложнее, легкие сдаются. Пока

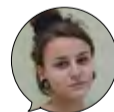
ребята останавливаются на перекур, я поднимаюсь на последний этаж. Выбиваю картонную заслонку ногой и теряю дар речи от увиденного. На секунду я почувствовала себя «Алисой в Зазеркалье». От привычных стен, пола и потолков и след простыл. Я нахожусь в стеклянном царстве. Передо мною многосветный атриум цилиндрической формы, посредине которого прозрачный шар, как будто бы парящий в воздухе. Как в фильме «Пятый элемент», где главная героиня спускается в зал оперы. Ещё сорок минут скитаний в этом лабиринте, и победа! Мы находим тот самый космический элемент комплекса — НЛО. Чтобы пробраться в него, надо пройти по стремянке, перекинутой над пропастью, высотой в 30 метров, а затем и маленький лабиринт из строительных лесов.

Свежий воздух ударяет в лицо, от высоты и невесомости захватывает дух. Мы оказались не на крыше, а сразу в небе. Элемент НЛО сферической формы из гнutoго стекла, то есть если не рассчитать расстояние, то можно подойти к опасному стекающему вниз краю.

Мы смотрим во все глаза на Питер, который раскрылся во всей своей красе: разведенные мосты, соборы, церкви. Весь центр как на ладони! Ни один домик и закоулок не укрылся от наших глаз. Припаркованные машинки, магазинчики, рекламные щиты — все это теперь принадлежало нам безраздельно. Мы пережили вместе с городом его фазы глубокого сна, пробуждения, нарастающего ритма нового утра.

И вот первые лучи солнца коснулись крыши, куполов, окон домов. Пробудили людей в их квартирах и уличных кошек в парадных. Всё зажило и задвигалось. Жадно впитывая в сознание все эти мелочи, я запоминала новые краски любимого города. Я легла на спину и закрыла глаза: привычный мир постепенно перестал для меня существовать.

Светлана Николаева, фото автора

УХОДЯЩАЯ НАТУРА ФАБЕРЖЕ

Холодный ветер гуляет по комнате, обжигая щеки. Снежинки садятся на орнаментный пол. Рисунки стерты временем, но их размытые очертания ещё проглядывают. Под ногами валяется облупившаяся штукатурка, фрагменты узорчатых стен и разбитая люстра, похожая на те, что висят в «Эрмитаже».

Это место давно покинули живые души, и только охранник Вася иногда заглядывает в окна для отчетности. А когда-то владельцу завидовали бывшие соседи по даче, так же проживающие тут, в Левашово.

За двухэтажным домом с четырьмя белыми колоннами на входе пристально наблюдало государство. У молодого Агафона Фаберже в усадьбе хранилась огромная коллекция редких камней. Залы украшала антикварная мебель, старинные ковры, фарфор, гравюры, иконы. А сейчас я иду по длинной лестнице с деревянными перекладинами, и о былой роскоши напоминают лишь отдельные фрагменты. Рука ложится на камин. К ладони липнет пыль, грязь и копоть, накопившаяся за многие годы запустения. Выбитые стекла на высоких дверях пропускают солнечные лучи, забытые стены наполняются светом, оживают и снова начинают дышать. Вокруг меня незримо крутятся сотни жизней, смешанных временем. Я будто перенеслась

на два века назад, и за моей спиной с трубкой во рту стоит Фаберже, устало глядя на огонь камина. А в большом зале дают бал, и знатные кавалеры приглашают на танец изысканных дам в шляпах с вуалью и длинных перчатках, прикрывающих локти. Недалеко от камина ведутся светские беседы, а затем все плавно перебираются к столу с изобилием блюд.

В правом углу небольшой комнаты, где друг на друга накинута какие-то деревяшки, могла находиться железная кровать. И раненный солдат лежал на ней неделями, мучаясь от боли. Это здание успело побывать госпиталем. Здесь был и оружейный склад революционеров, а потом столовая, куда приводили детишек после прогулки-усадьба превратилась в детский сад.

Второй этаж менее привлекателен, он отталкивает. В спертом воздухе запах гнили и разложения, но здесь ничего нет. Потолок не отличим от пола, разрушенные перегородки, ванная, изувеченные кар-

тины в оправках, кучи мусора. В перспективе виднеется еще пара комнат, но до них не дойти: дорогу прерывают сквозные «ямы» в нижний этаж. Спускаюсь вниз, делаю пару снимков, хочу запечатлеть в памяти атмосферу этого дома.

На выходе меня встречает тишина. Вокруг тотальное запустение. Гиблое место! Я удаляюсь отсюда в полном смятении, не слыша лай приближающихся собак. И когда горячие пасти с белыми клыками практически настигают меня, я перемахиваю через высокий забор и возвращаюсь в свой привычный мир.

Ещё долго собираю в памяти обрывки увиденного, составляю их вместе и радуюсь, что Фаберже не застал медленного и мучительного умирания собственной обители. А мое поколение, наверняка, последнее, кто хотя бы издалека может полюбоваться на эту уходящую природу, которую никто даже не пытается вырвать из лап безвременья.

Из невероятной поездки на отдаленный маяк Ленинградской области наш корреспондент Алина Летнева привезла живые портреты удивительных людей, каждый из которых мог бы по праву занять место в музее, собирающем галерею русских характеров.

НА МАЯК!

НАДЕЖДА

Шестое января. Деревня Надкопанье. Магазин «Продукты». Сердобольная продавщица.

— Конечно, пустят переночевать, — увещевает нас продавщица, — иначе, зачем вообще вся эта вера?! А вы хоть знаете, как церковь эта называется? Рождества Христова, да. Вы идите сразу в приходный дом, там прямо по дороге ворота увидите высокие. Не за что, наелись хоть?

Высокие белые ворота видно изда- лека. Лишь бы пустили. На улице мороз минус 20. Иначе я умру прямо в этой деревне, так и не добравшись до цели путешествия. У меня язы- ческое имя и нет даже крестика. Если что — скажу, что по дороге ограбили, забрали самое ценное — веру в Бога.

Нас пустили. Нас — это меня и двух моих друзей Сашу и Даню, с которыми утром этого дня мы отпра- вились на маяк. Дом накануне Рож- дества был полон прихожан. Услуж- ливая старушка наставляла, пока мы раздевались:

— Вы проходите в трапезную. Попросите у батюшки благосло- вения. И он скажет, что делать.

ПОСЛУШАНИЕ

— Добрый вечер. Вы нам не раз- решите переночевать у вас?

— А вы откуда такие к нам при- ехали?

— Из Петербурга. Мы вообще-то на Стороженский маяк ехали. Ночь застала врасплох.

— Ну и ехали бы себе! На х... вы нам такие нужны? А на кого учи- тесь хоть?

— Оператор, программист и журналист.

— Ну, ясно, богема сраная, — батюшка махнул рукой и принялся за второе.

Горячий суп разливается по всем жилам. Я не была в церкви лет с девяти. Тем летом я жила в области у бабушки. Меня отдали в вос- кресную школу, чтобы зря не про- хлаждалась, где батюшка бил нас линейкой по рукам за непослушание и дышал перегаром на воскресном богослужении.

— Ну что, ребятки, поели? Нам нужны добровольцы, — пробасил батюшка.

— Мы готовы, — кивнули мы.

— Девочка может остаться, — сжалился он.

— Нет, я с ребятами пойду, — вдруг опомнилась я.

Задний двор церкви. Нужно нако- лоть дров и натаскать их к церковной печи.

Меня попросили не мешаться, иди, мол, в храме погрейся. Нет уж, физическая работа помогает быстро согреться. Колоть дрова я не умею, а носить — большого ума не нужно. Мы приступили к работе. Все мол- чали. Лишь звук топора разносился по округе. Мы перетаскали уже половину, когда из церкви пока- зался местный послушник.

— Ну что, парни, перекур?

— А тут можно курить?

— Ну, мы сейчас за сарай зайдем и хорошо... А звать-то меня Колей. Я, признаться, давно курю, бросить все никак не могу. всю жизнь в Гатчине прожил с женою Ольгой. Сторожем работал, пище- блоки охранял. Даже оружие служебное было. Хорошо жили, хорошо. Потом мать умерла, и Ольга за ней следом. Переехал в Петербург. Пил. Оно-то дело не хитрое. Забылся совсем, да друзья посоветовали сюда приехать. Так и остался, работы здесь достаточно, думать некогда особо. Но я не рассчитался с работы, меня батюшка благословил, вер- нулся в Петербург. И понеслось. Две недели меня не было, потом по навигатору вычислили, сюда при- везли. Так и живем. Хабарики вон туда в бочку кидайте, чтоб батюшка не увидел.

Рассказав еще пару похабных анекдотов, Коля исчез из нашей жизни. Варешки пахли древе- синой. Мы вернулись в приходный дом погреться перед праздничной службой. До нее еще 4 часа. Очень хочется спать. Но единственное, чем здесь можно заняться — сидеть на лавочке.

— Батюшка! — окликает отца Федора высокий мужчина и скло- няет голову для благословения. Тот отводит его в сторону и выслушивает. Разговор доносится до моих ушей.

— У меня брат на Украине, он православный, но на войне. Кубий- ствам не привыкнуть, душа у него болит, — спешит выговориться мужчина.

— Передай ему так, — тихо начинает Федор, — в какой-то сте- пени войну можно сравнить с дето- рождением. Зачатие детей проис- ходит в страсти, и поэтому каждый младенец подвержен первород- ному греху. Так и на войне: пра- вославный христианин поднимает свой меч не чтобы спасти самого себя, а чтобы спасти свой народ, своих близких, свою веру...

— Ну, если батюшка сказал, что церковь не осуждает... — мужчина блаженно прикрыл глаза и, запро- кинув лицо вверх, чему-то мягко улыбнулся.

СЛУЖБА

В 23 часа к Храму подъехал лексус, из него показалась черная ряса. На пассажирском сидении — жен- щина в роскошной шубе. Служба началась. Голос батюшки разли- вался монотонным гулом, алтаря я не видела. Я вспомнила все стихи, которые знала наизусть, перечитала их еще и еще раз. Ноги затекли. Минут час. Даня подтолкнул меня локтем, и мы вышли на улицу раз- мяться. Остаться на морозе было невозможно, и нам пришлось вер- нуться на службу. Все девушки тут, как положено, с покрытой головой и в юбках. Как меня еще не выгнали? Старушки за спиной ехидно пере- шептываются. Лучше было бы постучаться в любой деревен- ский дом, а вдруг пустили бы? Или вообще пройтись 16 км до сле- дующей деревни. Ребята говорили, что там на окраине живет строи- тель, который наливает самогон всем желающим.

Прошло еще часа два. За всю службу я ни разу не перекрестилась, не падала на колени и не билась головой об пол. То есть выглядела крайне глупо и неодобрительно. Но осудительный взгляд духовных лиц я заметить не смогла в силу своей близорукости.

Я не знала, чего хочется больше: спать или есть. Нужно было послу- шать маму, сейчас бы сидела дома у телевизора, холодильник в трех метрах... Болели плечи и вообще все тело. И почему я не Катерина Островского? Та бывало в цер- ковь, как в Рай, войдет и не видит никого, и не слышит, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было.

Пару раз во время службы я успела заснуть у стены. Прича- стие я пропустила, то есть не поела и не выпила.

В 4 утра ко мне подошел Саша: «Сейчас будет крестных ход, а потом все пойдут в дом!» Действительно, что может быть лучше в 20-гра- дусный мороз, чем выйти на улицу, обойти всю церковь с батюшкой и толпой прихожан, где по пути тебя еще неоднократно обольют святой водой, дабы соединить твою грешную душу с Иисусом.

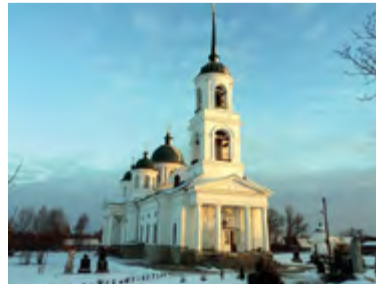
Вскоре мы уже сидели за большим столом со всеми духовными лицами и служащими. Настало время большой трапезы. На столе был куриный бульон, рыба, мясо, салаты и кагор. Девушки пели колядки на украинском, на нас косились местные качки-гопники. Спать хоте- лось еще с 7 часов вечера, сейчас же часы благополучно пробили 7 утра.

Священник встает и с командой «молимся», приправленной для выразительности крепким словом, описывает рукой крест в воздухе. Трапеза завершена.

Мы подходим к отцу Иосифу, с которым нас познакомили во время трапезы. Это монах из мужского монастыря близ нашего маяка. Вот так удача! Через несколько минут мы на его мощном узике уже несемся по глубоким сугробам. Этой полу- забытой дорогой обычно пользует- ся только служитель маяка. Дро- жащие огни печальных деревень остаются позади, как и 30 киломе- тров до маяка, которые этим утром мы планировали пройти пешком. Темный дремучий лес мелькает по обеим сторонам дороги, изда- лека слышится волчий вой.

МАЯК

Уже совсем рассвело. Мы сидим на берегу Ладожского озера, перед нами самый большой приозерный маяк и его строгий сторож, дымящий

папиросу «Беломор». Саша пожи- мает его обнаженную красную руку, которую тот не сразу подает.

— Тогда чем же заполнить обра- зовавшуюся внутри меня пустоту? Большинство людей находят счастье в любви. Но она, увы, не для меня. Я один из тех безответственных людей, которые больше не хотят заводить семью. Планета и так пере- населена. А еще я не хочу плодить таких же невротиков, как я сам. Сделаю хоть одно доброе дело — спасу, по крайней мере, две души от страданий: жену и ребенка, которых у меня никогда не будет. Кому-то все-таки надо направлять корабли, — говорит смотритель маяка Павел и, нахмутив брови, всматривается в синюю даль.

Ему около 45 лет, его подбо- родок обрамляет жесткая щетина.

На двери у входа в маяк огромная надпись: «Не входи — убьет!» Сторож уже давно никого не водит внутрь, но нам разрешил погреться у себя. «Садись, дочь, где не грязно» — говорит он. «Тут везде грязно» — пронесится у меня в голове. Павел кидает кафтан на крошечную кроватку, у изголовья которой висит затертая черно-белая фотография белокурой девушки. Сам смотри- тель усаживается за покосившийся стол. На нем — обертки от печенья, пара тарелок с застывшими остат- ками вчерашнего обеда и гора ску- ренных до фильтра сигарет. Он сме- трит на меня и губы расплываются в печальной улыбке: «Ты на мою бывшую жену похожа. Такая же молодая и красивая была. Береги себя...»

НОЧЛЕГ

Нас уже давно клонит в сон, вдруг дверь в каморку служителя маяка отворяет отец Иосиф, доставивший нас сюда с ветерком. Он знает, что мы не спали целые сутки:

— Ребята, не обессудьте, места для ночлега у нас совсем нет. Я вас положу сейчас кое-куда, конечно. Но там кукарекают и мычат.

Мы послушно заходим в мона- стырский хлев. Рядом с сеновалом дверь, на дощатом полу заботливо расстелен ковер, еще один лежит свернутым рядом. Я ложусь посе- редине между друзьями. Дворовая кошка спрыгивает с окна и уклады- вается у нас в ногах. Саша говорит во сне, а Даня начинает храпеть. Спать осталось два часа. А затем дорога в обратный путь.

Алина Летнева

ВЕЧНЫЙ КОНТРАСТ

Спотыкаясь, я пролетаю несколько ступенек. Невольно растягиваюсь на холодном бетоне. Открывая глаза, вижу перед собой изящный завиток чугунной ограды лестницы. Моя цель — сделать фотоподборку с невероятно поэтическим названием «Чердаки Северной столицы», и вот уже две недели я залезаю, куда не следовало бы. Закидываю фотоаппарат в рюкзак и продолжаю спускаться вниз, осматривая парадную. Ощущая смешанные чувства восхищения и страха, уже в который раз замечаю двуликость таких мест Петербурга. Либо это словно вырезанные из интерьеров Эрмитажа или Петергофа шедевры Растрелли, либо старые, обшарпанные, угнетающие места. Здесь кажется, что старая присказка

«стены имеют уши» - истина. Не поворачивается язык назвать это «подъездом». Да и в самом слове «парадная» есть какое-то величие, которое, правда, исчезает сразу же после того, как находишь какой-нибудь неудачный пример. Я нашла. Оставляю позади великолепную лестницу с чугунной оградой, мозаикой под потолком и люстрой, которую кажется только-только принесли из ближайшего дворца, и прохожу через следующую «сквозную» парадную. Затертые, грязные, темные стены, отбитые косяки, ободранные двери и трещины на потолке. Ещё шаг и, кажется, все это сложится как картонный домик. Ради интереса поднимаюсь выше: разбитое стекло, осколки, которые кто-то «спрятал» за ржавую батарею, ещё немного

стекла на полу, бутылки из-под водки — явный намек на наличие здесь «постояльцев», вдобавок ко всему безразмерный, грязный ватник — чьё-то одеяло. На третьем этаже темно, а у меня же ещё есть мечты, к примеру, поступление в вуз. Кажется, лампочка перегорела ещё полгода назад, потому что сейчас вся она покрыта толстым слоем пыли. Выходя на улицу, глубоко вздыхаю, чтобы вытеснить из легких затхлый воздух, которым я дышала в течение последних 10 минут. А в голове рождается новая тема фотосъемки: «Парадные Петербурга. Вечный контраст»

Анастасия
Сергеева

Фото на полосе: Smi Vezdesushii

